

Психологія сновидѣній¹⁾.

Проф. В. П. ОСИПОВА.

М. М. Гз.

Несмотря на то, что сонъ является однимъ изъ самыхъ обыденныхъ и необходимыхъ физиологическихъ состояній, а сны или сновидѣнія настолько присущи состоянію сна, что часто испытываются всѣми, а у нѣкоторыхъ представляются даже неизбѣжными спутниками сна, широкіе слои публики мало знакомы съ происхожденіемъ сновидѣній, а въ особенности съ условіями возникновенія ихъ содержанія. Но пытливый человѣческій умъ, конечно, не можетъ оставить сновидѣній безъ попытки объясненія; приступая однако къ объясненію безъ достаточнаго запаса знаній съ одной стороны и при наличности суевѣрія и вліянія мистицизма, котораго не чужды и образованные классы общества, съ другой,—человѣкъ выработалъ представленіе о связи сновидѣній съ грядущими событіями жизни; связь эта чрезвычайно обширна, она распространяется не только на событія дня, касающіяся даннаго лица, но захватываетъ и жизнь окружающихъ лицъ и даже иногда служитъ предзнаменованіемъ событій, имѣющихъ важное государственное и социальное значеніе.

¹⁾ Содержаніе настоящей лекціи должно было послужить темой для рѣчи на торжественномъ актѣ въ Каз. Унив. въ 1908 г., но такъ какъ актъ не состоялся, то тема послужила для публичной лекціи въ пользу недостаточныхъ студентовъ-медиковъ, 1 декабря 1908 г.

Вьясненіємъ условій возникновенія сновидѣній и особенно вьясненіємъ условій возникновенія ихъ содержанія, а также вьясненіємъ связи между содержаніємъ сновидѣній и событіями текущей жизни я и хочу сегодня занять Ваше вниманіе.

Сонъ есть необходимое фізіологическое состояніе, безъ него человѣкъ не можетъ жить. Различные ученые объясняютъ различно происхожденіе сна.

Наступая, какъ результатъ утомленія и истощенія нервной системы, вызваннаго дневнымъ бодрствованіемъ, сонъ даетъ возможность утомленному организму отдохнуть, набраться силъ для новой дѣятельности. Однако, истощеніе нервныхъ центровъ есть только общее условіе наступленія сна, обуславливающее его глубину и продолжительность, но это истощеніе и утомленіе должно имѣть свое біологическое выраженіе?

Было время, когда допускали развитіе въ бодрствующемъ организмѣ особыхъ возбуждающихъ сонъ веществъ, которыя оказывали вліяніе на такъ называемый *сонный центръ* и такимъ образомъ вызывали сонъ. Гдѣ былъ этотъ сонный центръ и какими свойствами онъ отличался, никто никогда не видѣлъ. Если эта гипотеза въ настоящее время звучитъ большимъ анахронизмомъ, то еще болѣе неосновательной представляется гипотеза спиритуалистовъ, по которой сонъ разсматривался, какъ временное освобожденіе души отъ ея тѣлеснаго вмѣстилища.

Parkinson первый, исходя изъ аналогіи съ вліяніемъ на организмъ наркотическихъ веществъ, высказалъ предположеніе, что сонъ наступаетъ, какъ результатъ вліянія на центральную нервную систему накопившейся въ крови углекислоты, недостаточно выводимой въ теченіе дня посредствомъ дыханія. *Pflüger* развилъ эту гипотезу дальше, онъ представилъ сонъ, какъ результатъ особаго химическаго состоянія молекулъ нервной системы, приводящаго къ пониженію возбудимости нервныхъ элементовъ и развивающагося вслѣд-

ствіе недостатка кислорода; наступленіе и существованіе взрывчатыхъ процессовъ, происходящихъ вслѣдствіе взаимодѣйствія внутримолекулярнаго кислорода и теплоты, обуславливаетъ особаго рода колебанія молекулъ, отъ котораго зависитъ бодрствованіе: отсутствіе этихъ колебаній и взрывчатыхъ процессовъ вызываетъ сонъ.

Наблюденіе фізіологовъ, что мозгъ во время сна становится блѣднѣе кровью, что развивается анемія мозга, объясняется скорѣе, какъ явленіе вторичное, сопровождающее сонъ, имѣющее свою причину, но не какъ причина сна. Высказывается также предположеніе, что сонъ вызывается накопленіемъ въ тѣлѣ продуктовъ разложенія, а именно, молочнокислыхъ солей (*Preyer*), оказывающихъ вліяніе на центральную нервную систему.

Въ недавнее время *Ducal* предложилъ новую теорію сна, основанную на ученіи о нейронахъ. Одна изъ частныхъ этого ученія—теорія контакта, по которой окончанія осево-цилиндрическихъ отростковъ обладаютъ амебодными движеніями, благодаря которымъ они могутъ соприкасаться съ нейронами слѣдующаго порядка, устанавливая такимъ образомъ непрерывную проводимость между двумя нейронами. *Ducal* и высказалъ предположеніе, что при извѣстныхъ условіяхъ разстояніе между нейронами, вслѣдствіе амебоднаго сокращенія ихъ окончаній, настолько увеличивается, что передача возбужденія съ одного нейрона на другой становится почти невозможной, въ результатѣ чего и наступаетъ сонъ. Хотя заявленія *Ducal*'я и подтвердили *Stefanowska* и *Hapbutz*, однако справедливость этой гипотезы далеко нельзя признать установленной. Впрочемъ, и химическія теоріи не выдерживаютъ всесторонней критики, напр., онѣ не объясняютъ, почему устраненіе раздраженій органовъ чувствъ часто вызываетъ сонъ.

Мы не будемъ однако входить въ критическій обзоръ приведенныхъ теорій, это не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ мы хо-

тѣли только указать, какъ объясняетъ современная наука наступленіе сна; это объясненіе еще не вполне удовлетворительно, и мы должны согласиться съ мнѣніемъ *Wundt'a*, что фізіологическія причины сна все еще темны. Мы еще недалеко ушли отъ заявленія фізіологовъ, что сонъ есть одно изъ специфическихъ свойствъ нашей нервной системы.

Обратимся теперь къ возникновенію сновидѣній.

Прежде всего намъ необходимо установить, что сновидѣнія представляютъ собою продуктъ психической дѣятельности; правда, эта дѣятельность значительно отличается отъ дѣятельности нашей психики въ бодрственномъ состояніи. Выставленное положеніе, конечно, не требуетъ доказательствъ, напротивъ, оно само является несомнѣннымъ доказательствомъ, что психическая дѣятельность во время сна не прекращается, а только видоизмѣняется и ограничивается.

Когда человѣкъ засыпаетъ, глубина или крѣпость его сна быстро увеличивается, достигая наибольшей величины приблизительно черезъ два часа отъ начала засыпанія; нѣкоторое время (1—2 часа) глубина сна остается постоянной, затѣмъ она начинаетъ постепенно ослабѣвать, такъ что подъ утро достаточно ничтожнаго шума или прикосновенія, чтобы разбудить спящаго. Весьма вѣроятно, что кратковременный періодъ глубокаго сна сопровождается настолько полнымъ затиханіемъ функцій психической дѣятельности, что сновидѣній въ немъ можетъ не быть, во всякомъ случаѣ, въ этомъ періодѣ сна сновидѣнія наблюдаются рѣже всего, такъ какъ онъ чрезвычайно неблагопріятенъ для ихъ возникновенія. Сказанное подтверждается и наблюденіями. Сами спящіе, если ихъ разбудить въ этомъ періодѣ сна, мало могутъ сообщить намъ, такъ какъ ихъ сознаніе въ этомъ періодѣ бываетъ настолько затемнено, что они не могутъ припомнить мимолетныхъ сновидѣній, если даже они ихъ испытывали.

Остальное время сна, т. е., періодъ засыпанія и періодъ пониженія глубины сна, представляются наиболѣе благопріят-

ными для развитія сновидѣній. Посмотримъ, какъ видоизмѣняется психическая дѣятельность во время сна, по сравненію съ бодрственнымъ состояніемъ?

Экспериментальныя изслѣдованія показываютъ, что электрическая возбудимость чувство-двигательныхъ центровъ коры головного мозга во время сна значительно понижается; по электрическому раздраженію мы не можемъ, къ сожалѣнію, судить о возбудимости остальной обширной области мозговой коры, являющейся основой процессовъ высшей психической дѣятельности; однако, по аналогіи и на основаніи анализа психической дѣятельности во время сновидѣній слѣдуетъ признать, что во снѣ функція отдѣловъ мозга, являющихся источникомъ высшей психической дѣятельности, тоже значительно понижена.

Одна изъ самыхъ существенныхъ и драгоценныхъ способностей нашей психической дѣятельности есть „сознаніе“. Въ сознаніи находится громадный запасъ различнаго рода представленій и идей, образовавшихся, какъ результатъ впечатлѣній съ нашихъ органовъ чувствъ, результатъ нашего жизненнаго опыта, результатъ нашей мыслительной дѣятельности. Несмотря на этотъ громадный матеріалъ, дѣйствительно „создается“ нами въ каждый данный моментъ лишь незначительное число представленій; этими словами я хочу сказать, что въ каждый данный моментъ нашей мыслительной дѣятельности мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ лишь о весьма небольшомъ количествѣ представленій, наполняющихъ наше сознаніе, составляющихъ его содержаніе.

Та часть сознанія, вступая въ которую, представленія осмысливаются нами, равно какъ и другія психическія переживанія, въ которыхъ мы отдаемъ себѣ отчетъ, называется *полемъ яснаго сознанія*. Вся же остальная обширная область сознанія, заполненная несравненно большимъ количествомъ представленій, нежели ясное поле сознанія, только не сознаваемыхъ нами или почти несознаваемыхъ, носитъ названіе

безсознательной или, правильнѣе, „подсознательной“ психической сферы. Для того, чтобы психическіе процессы сознавались, они должны вступить въ поле яснаго сознанія; вступленіе представленій и идей въ поле яснаго сознанія можетъ совершаться пассивно, т. е., помимо нашей воли, лишь вслѣдствіе часто несознаваемой нами ассоціативной дѣятельности; но мы обладаемъ способностью, вызывая изъ подсознательной сферы тѣ или инія представленія, активнымъ усиленіемъ воли, т. е., по своему желанію, вводить эти представленія въ поле яснаго сознанія; при средствѣ вниманія, направленнаго на эти представленія, мы можемъ удерживать ихъ въ полѣ яснаго сознанія въ теченіе опредѣленнаго времени, а затѣмъ, по своему желанію, изгонять ихъ оттуда, замѣняя новыми, возникшими или вызванными путемъ ассоціативной дѣятельности. Мы обладаемъ еще болѣе цѣнной способностью—мы не только можемъ вводить представленія и идеи въ поле яснаго сознанія, но мы можемъ направлять весь ходъ нашего мышленія въ опредѣленную сторону, въ опредѣленной избранной нами цѣли.

Если проанализируемъ состояніе сознанія во время сновидѣній, мы должны будемъ признать, что дѣятельность его бываетъ въ большинствѣ случаевъ пониженной, этимъ объясняется, что чаще всего сновидѣнія отличаются расплывчатымъ и туманнымъ содержаніемъ, довольно неопредѣленнымъ характеромъ очертаній и образовъ, являющихся содержаніемъ сновидѣнія. Впрочемъ, расплывчатость и туманность не составляютъ обязательное условіе содержанія сновидѣній, напротивъ, нѣкоторые образы и положенія отличаются пластичностью и рельефностью, но это бываетъ далеко не всегда и объясняется особыми условіями, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Слѣдуетъ признать, что и въ нашей подсознательной сферѣ могутъ происходить очень сложныя психическіе процессы даже во снѣ; на это указываютъ, напр., случаи рѣшенія во снѣ математическихъ задачъ, нерѣшенныхъ

на яву; очевидно, логическое мышленіе, начавшееся днемъ, продолжало развиваться помимо участія нашего яснаго сознанія и привело къ правильному рѣшенію.

Другое весьма существенное отличіе дѣятельности сознанія, вытекающее изъ анализа сновидѣній, заключается въ рѣзкомъ ограниченіи, а часто и въ полномъ подавленіи способности активнаго мышленія, активнаго направленія вниманія, активности ассоціативной дѣятельности. Происходить какъ разъ обратное: образы сновидѣній привлекаютъ все наше вниманіе, такъ сказать, поглощая его; оно работаетъ пассивно, не сопротивляясь, что и понятно при пониженной функціи сознанія; властно и сильно удерживается наше вниманіе сонными образами; мы почти не можемъ подавить эти образы по своему желанію, время ихъ нахожденія въ нашемъ сознаніи не опредѣляется нашимъ желаніемъ, мы часто не можемъ изгнать одни образы и представленія и замѣнить ихъ другими; „направляющія силы“ нашего ума бездѣйствуютъ. Психическая работа тѣмъ не менѣе происходитъ въ умѣ спящаго, и возникшіе образы сновидѣній по законамъ ассоціативной дѣятельности вызываютъ новыя представленія, новые образы, мысли; но такъ какъ эта ассоціативная дѣятельность не сопровождается активностью и контролемъ яснаго сознанія, то въ результатъ ея получаютъ самыя причудливыя положенія, самыя невѣроятныя отношенія и сплетенія сонныхъ событій и происшествій.

Вслѣдствіе пониженія дѣятельности сознанія, пониманіе образовъ сновидѣнія и ихъ взаимоотношенія представляется далеко недостаточнымъ; если прибавимъ къ этому отсутствіе активнаго вниманія, то намъ станетъ понятнымъ, почему во время сновидѣній мы бываемъ не въ состояніи отнестись критически къ ихъ содержанію; каждому извѣстно, какихъ невѣроятныхъ событій бываемъ мы свидѣтелями во снѣ; несмотря на неимовѣрную абсурдность этихъ событій, мы принимаемъ ихъ за дѣйствительность, ихъ невѣроятность и экстра-

ординарность насъ не поражаетъ; условій времени и пространства не существуетъ. Часто мы обливаемся холоднымъ потомъ отъ ужаса, считая себя погибшими, и, просыпаясь въ страхѣ, считаемъ себя счастливыми, лишь только проснувшееся сознаніе позволяетъ намъ рѣшить, что мы находились лишь во власти сновидѣнія, что дѣйствительность не такъ ужасна. Бываютъ, правда, во снѣ моменты, когда спящій пытается исправить чрезмѣрную абсурдность сновидѣнія; но если кто хотя немного анализировалъ свои сны, тотъ, конечно, согласится, что такія попытки активного вмѣшательства въ ходъ сновидѣнія обычно безрезультатны, напротивъ, онѣ сопровождаются мучительнымъ чувствомъ собственного безсилія и безпомощности, такія попытки совершаются въ то время, когда вслѣдствіе близости момента просыпанія дѣятельность сознанія начинаетъ повышаться: тѣмъ не менѣе, въ это время мы еще не отдаемъ себѣ отчета въ томъ, что мы принимали участіе лишь въ сновидѣніи, а не въ событіяхъ реальной жизни.

Несмотря на то, что сновидѣнія по своему нерѣдко весьма своеобразному содержанію могутъ быть далеко не безразличными для спящаго, ничто такъ легко не забывается, какъ сновидѣнія; часто пораженное содержаніемъ сновидѣнія лицо находится подъ впечатлѣніемъ сновидѣнія послѣ пробужденія; ему кажется, что сновидѣніе было яркимъ и отчетливымъ; однако при попыткѣ передать его содержаніе оказывается, что это возможно сдѣлать только въ самыхъ общихъ чертахъ. Такая забывчивость объясняется психологическими особенностями сновидѣній. То прочно запоминается, что подѣйствовало на нашу психику при ясномъ сознаніи, вошло въ поле яснаго сознанія, вошло въ составъ нашего мышленія, было нами воспринято при извѣстныхъ намъ условіяхъ времени и пространства. Сновидѣнія происходятъ при измѣненномъ состояніи сознанія; пробужденіе является границей, отдѣляющей это состояніе сознанія отъ сознанія бодрствующаго; условія

времени и пространства въ сновидѣніяхъ рѣзко искажаются; содержаніе сновидѣнія не вступаетъ въ связь съ нашимъ логическимъ мышленіемъ вслѣдствіе отсутствія въ теченіе его активнаго вниманія; потому-то содержаніе сновидѣнія даже при значительной его яркости очень легко забывается, если оно не закрѣпляется въ нашей памяти тогчасъ по пробужденіи, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Мы упоминали, что несмотря на обычную расплывчатость и туманность образовъ сновидѣній, нѣкоторые изъ нихъ, а иногда и многіе, могутъ отличаться пластичностью и яркостью. Дѣло въ томъ, что центры высшей психической дѣятельности спятъ во время сна, вслѣдствіе чего ихъ контролирующее, корригирующее и умѣряющее вліяніе на психическіе процессы сводится почти къ нулю. Несдерживаемая въ интенсивности своего развитія представленія, особенно, отличающаяся неиндифферентнымъ характеромъ для спящаго, легко достигаютъ извѣстной степени яркости, пріобрѣтаютъ чувственную окраску и вмѣстѣ съ тѣмъ приближаются по своимъ свойствамъ къ галлюцинаторнымъ образамъ; однако эти сонные образы не проецируются въ пространство, подобно истиннымъ галлюцинаціямъ, скорѣе ихъ можно сравнить съ ложными галлюцинаціями или съ псевдогаллюцинаціями Кандинскаго, которыя по характеристикѣ автора, ихъ описавшаго, видятся умственными очами, какъ бы глазами, обращенными внутрь. Такое свойство сонныхъ образовъ не мѣшаетъ однако пониженному сознанію спящаго принимать ихъ въ ихъ взаимоотношеніи за событія реальной дѣйствительности.

Психіатрамъ извѣстны т.-наз. гипнагогическія галлюцинаціи, т. е., галлюцинаціи, возникающія при засыпаніи человѣка, которыя можно сравнить съ сонными грезами; очевидно, условія, при которыхъ подавляется дѣятельность высшихъ психическихъ функцій, представляются особенно благоприятными для возникновенія болѣе или менѣе яркихъ чувственныхъ образовъ. Въ сознаніи бодрствующаго человѣка

ассоціативная дѣятельность, смѣна однихъ представленій другими, происходитъ съ опредѣленной быстротой, обусловливаемой въ значительной степени активнымъ участіемъ нашего „я“. Активное участіе „я“ почти исключается въ сновидѣніи; вслѣдствіе этого содержаніе сновидѣнія въ его отдѣльных частяхъ, а иногда и въ цѣломъ, можетъ то быстро мѣняться, то оставаться неизмѣннымъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени: отрывочныя мысли спящаго то текутъ съ неимоверной быстротой, то на время пріостанавливаются. Содержаніе сновидѣній отличается нерѣдко чрезвычайной хаотичностью и безпорядочностью возникающихъ ассоціаций; смѣны однихъ невѣроятныхъ положеній другими еще менѣе вѣроятными происходятъ съ полной неожиданностью; съ психической стороны это объясняется извѣстной степенью случайности возникающихъ ассоціаций, невозможностью активно управлять ходомъ мыслительной дѣятельности, пониженіемъ критическаго отношенія къ содержанію сновидѣнія.

Нерѣдко наблюдается, что спящему образы сновидѣнія представляются знакомыми, какъ будто онъ уже не въ первый разъ имѣетъ дѣло съ ними; но это не всегда указываетъ, что данное сновидѣніе снится повторно; объясненіе явленія заключается въ аналогіи его съ такимъ же явленіемъ въ бодрствennomъ состояніи, когда человѣкъ испытываетъ такое чувство, какъ будто положеніе, въ которомъ онъ находится, онъ уже переживалъ когда-то, находясь въ точно такой же обстановкѣ; явленіе это извѣстно подъ названіемъ двойственныхъ воспоминаній, двойственности памяти, и объясняется обманомъ памяти; подобное же объясненіе прилагается для освѣщенія разсматриваемаго явленія, возникающаго у спящихъ, гдѣ оно имѣетъ больше благоприятныхъ условій для своего развитія, чѣмъ въ бодрствennomъ состояніи.

Бываетъ, что спящій, увлекшись интереснымъ для него и пріятнымъ сновидѣніемъ, на моментъ просыпается на самомъ, такъ сказать, интересномъ мѣстѣ своего сновидѣнія и тотчасъ

спѣшить заснуть снова съ твердымъ намѣреніемъ увидѣть продолженіе и окончаніе заинтересовавшаго его сновидѣнія. Осуществить это намѣреніе почти никогда не удастся, въ чемъ большинство можетъ убѣдиться по личному опыту. Дѣло въ томъ, что мы можемъ вызывать изъ нашего психическаго запаса интересующія насъ представленія, мысли и образы посредствомъ активнаго участія воли; между тѣмъ, изъ предшествующаго изложенія вытекаетъ, что мы не можемъ принимать активнаго участія въ психическихъ процессахъ, составляющихъ въ результатѣ содержаніе сновидѣнія, что мы не можемъ во снѣ направлять свою психическую дѣятельность по своему желанію, поэтому, несмотря на самое искреннее желаніе увидѣть окончаніе незаконченнаго сновидѣнія, мы лишаемся возможности осуществленія этого желанія, какъ только погружаемся въ дремоту; на яву мы можемъ хотя думать въ направленіи сновидѣнія, во снѣ же мы, конечно, утрачиваемъ эту способность, и лишь изрѣдка возникновеніе прежнихъ ассоціацій можетъ вызвать повтореніе сновидѣнія и развитіе его до конца; не надо даже упоминать, что такое повтореніе наблюдается очень рѣдко. Аналогичное объясненіе, заключающееся въ подавленіи активной волевой дѣятельности во время сна, имѣетъ явленіе, выражающееся въ томъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ намъ удастся видѣть во снѣ именно то, что мы желаемъ. Часто приходится слышать жалобы отъ того или иного лица, что, несмотря на пламенное и настойчивое желаніе увидѣть во снѣ умершаго близкаго человѣка, это желаніе не исполняется. Все таки надо замѣтить, что настойчивыя желанія обыкновенно рано или поздно исполняются; доказано, что представленія, постоянно вызываемыя въ сознаніи, съ каждымъ разомъ возникаютъ все легче и легче, такъ какъ психическіе процессы, необходимые для ихъ возникновенія, направляясь по протореннымъ, знакомымъ путямъ, встрѣчаютъ все меньше и меньше препятствій для своего развитія; понятно, что разъ въ запасѣ психическаго матеріала, на-

ходящагося въ нашемъ сознаніи, находятся ряды легко возникающихъ представленій и образовъ, то не трудно себѣ представить, что и во снѣ эти представленія могутъ возникнуть, какъ результатъ прямого возбужденія нервныхъ центровъ, въ которыхъ они хранятся, или вслѣдствіе психорефлекторнаго возбужденія тѣхъ же центровъ въ зависимости отъ развивающихся ассоціативныхъ процессовъ. Принимая во вниманіе все только-что сказанное, мы можемъ допустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ попытка, проснувшись, снова заснуть и увидѣть прерванное сновидѣніе увѣнчивается успѣхомъ, особенно, если просыпаніе не было полнымъ и сонныя грезы, наполнявшія сознаніе, не успѣли вытѣсниться впечатлѣніями окружающей дѣйствительности; все-таки слѣдуетъ признать, что это бываетъ рѣдко.

Уже упоминалось, что часто сновидѣнія отличаются хаотичностью, безпорядочностью и невѣроятностью положеній, въ нихъ переживаемыхъ; за исключеніемъ нѣкоторыхъ центральныхъ фигуръ, аксессуаровъ и деталей туманны и расплывчаты; конечно, бываетъ и не такъ—наблюдаются весьма отчетливыя и яркія сновидѣнія, но это случается значительно рѣже. Въ справедливости сказаннаго можетъ убѣдиться каждый, если онъ вздумаетъ, проснувшись, запротоколировать испытанное имъ сновидѣніе, т. е., записать его совершенно точно и объективно; несмотря на кажущуюся яркость сновидѣнія, приходится убѣдиться, что это не слишкомъ простая задача, и если, исполняя ее, мы будемъ объективны, то легко поймемъ себя въ невѣрной, излишне полной, а главное, излишне связной и послѣдовательной передачѣ содержанія сновидѣнія, по сравненію съ дѣйствительностью. Это объясняется тѣмъ, что въ бодрственномъ состояніи мы мыслимъ логически связно; наша логическая мысль не терпитъ пробѣловъ въ ассоціативной цѣпи, они вызываютъ непріятное чувство, мы стремимся заполнить ихъ соотвѣтствующими представленіями, находящимися въ необходимой ассоціативной связи съ наполняющими

наше сознание; во снѣ почти не обнаруживается активнаго мышленія, но, переживая содержаніе сновидѣнія, человѣкъ невольно при помощи работы своего воображенія и фантазіи, самъ того не замѣчая, дополняетъ сновидѣніе такими вставками, которыя придаютъ ему ясность, связность и цѣльность, на самомъ дѣлѣ данное сновидѣніе не характеризовавшия. Особенно подробно и обстоятельно дополняются сновидѣнія, если они излагаются черезъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени послѣ того, какъ ихъ видѣли. Отсюда вытекаетъ прямое слѣдствіе, что къ передаваемымъ сновидѣніямъ, часто весьма необыкновеннаго содержанія, надо относиться критически.

Интересно отмѣтить еще одно явленіе, которое каждый имѣетъ возможность провѣрить; оно заключается въ томъ, что въ сновидѣніи всякій пустякъ нерѣдко кажется гораздо важнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, даже весьма важнымъ; мы даже изумляемся, проснувшись, какимъ ничтожнымъ, индифферентнымъ деталямъ только-что испытаннаго сновидѣнія мы придавали существенное значеніе. Это явленіе обусловливается съ одной стороны паденіемъ нашихъ критическихъ способностей во время сна, а съ другой — способностью нашего вниманія къ чисто пассивной работѣ, при которой оно привлекается одинаково сильно психическими раздражителями различнаго качества.

Чтобы лучше выяснитъ происхожденіе содержанія сновидѣній, обратимся къ примѣрамъ и начнемъ съ примѣра, приводимаго *Freud*омъ въ его работѣ „Ueber den Traum“ и съ анализа этого примѣра.

Авторъ записалъ одно изъ своихъ сновидѣній тотчасъ по пробужденіи настолько точно, насколько могъ; получилось слѣдующее: *общество, столъ или Table d'hôte.... Вдѣтъ шиннать... Г-жа Л. сидитъ возлѣ меня, поворачивается совершенно ко мнѣ и дружески кладетъ руку на мое колено. Я*

грубо отстраняю ея руку. Тогда она говоритъ: у Васъ всегда были такіе прекрасные глаза... Тогда я вижу неотчетливо что-то въ родъ двухъ глазъ, будто рисунокъ или очертаніе блестящаго стекла отъ очковъ....

Содержаніе этого сновидѣнія вполне соотвѣтствуетъ нашей характеристикѣ: оно не вполне ясно, расплывчато, носитъ отрывочный характеръ, авторъ съ трудомъ записалъ его и не могъ закончить; содержаніе его странно, мало вѣроятно, оно состоитъ изъ отдѣльных отрывковъ, плохо связанныхъ между собой. Содержаніе сновидѣнія тѣмъ болѣе странно, что г-жа Л.—особа, къ которой у *Freud'a* едва были дружескія отношенія безъ всякаго оттѣнка сердечности или интимности, которую онъ уже давно не видѣлъ и о которой не было рѣчи въ послѣдніе дни.

Доискиваясь источника происхожденія сновидѣнія, авторъ началъ разлагать его на составныя части: общество, столъ или *Table d'hôte*: наканунѣ авторъ ѣхалъ съ пріятелемъ на извозчикѣ, снабженномъ таксометромъ; едва экипажъ тронулся, какъ на таксометрѣ появилась сумма 60 хеллеровъ; при этомъ *Freud* сказалъ, что таксометръ всегда напоминаетъ ему *Table d'hôte*; едва экипажъ тронулся, сѣдокъ уже долженъ платить, такъ что возникаетъ невольное опасеніе, не слишкомъ ли малъ конецъ, за который платишь,—совершенно, какъ за *Table d'hôte*омъ въ гостиницѣ,—платишь много, но не знаешь, довольно ли получишь за это; за нѣсколько недѣль до этого, вспомнилъ по ассоціаціи *Freud*, ему вмѣстѣ съ женой пришлось обѣдать за *Table d'hôte*омъ въ одной тирольской гостиницѣ; при этомъ они нѣсколько повздорили, затѣмъ помирились; дружеское прикосновеніе къ кольну и было выраженіемъ этого примиренія за столомъ, съ тою разницею, что во снѣ жена замѣнилась г-жею Л.,—г-жа Л. является дочерью человѣка, которому *Freud* задолжалъ деньги; извѣстно, что когда кто-нибудь дѣлаетъ что-нибудь для другого, рассчитывая получить за это что-либо для себя, а по-

слѣдній какъ бы не понимаетъ этого, то первый нерѣдко спрашиваетъ иронически: развѣ Вы думаете, что это дѣлается ради *Вашихъ прекрасныхъ глазъ*? Такимъ образомъ, фразу г-жи Л. „у Васъ всегда были прекрасные глаза“, слѣдуетъ понимать: Вамъ люди все дѣлали изъ расположенія къ Вамъ, или—Вы все получили даромъ. По заявленію *Freud'a*, все, что онъ получалъ, онъ всегда дорого оплачивалъ, онъ ничего не имѣлъ даромъ; но на возникновеніе ассоціаціи, что все онъ получалъ даромъ, могло повліять то обстоятельство, что наканунѣ пріятель подвезъ его въ экипажѣ до дома даромъ. Кромѣ того, пріятель, у котораго авторъ наканунѣ былъ въ гостяхъ, часто *одолжалъ* его, и только недавно *Freud* имѣлъ возможность отплатить ему за это подаркомъ; подарокъ представлялъ собою античную чашу, по окружности которой были нарисованы глаза, т. наз. *Oscchiole*, для *отстраненія* вліянія дурного глаза (*Malocchio*); пріятель былъ *глазной врачъ*; въ тотъ вечеръ *Freud* спрашивалъ его объ одной пациенткѣ, которую онъ направилъ къ нему для назначенія *очковъ*.

Въ результатѣ такого анализа содержаніе сновидѣнія принимаетъ совершенно новое освѣщеніе. Остается выяснить, откуда въ сновидѣніи возникъ *шпинатъ*; оказывается, что недавно это блюдо было за столомъ автора, при чемъ ребенокъ, *прекрасные глаза* котораго часто хваливали, отказывался ѣсть шпинатъ; при этомъ авторъ вспомнилъ свое дѣтство, именно, что онъ также не любилъ шпината, который мать уговаривала его ѣсть. Такимъ образомъ, и представленіе о шпинатѣ находитъ свою ассоціативную связь съ содержаніемъ изложеннаго сновидѣнія.

Проанализировавъ сновидѣніе, *Freud* приходитъ къ выводу, что сновидѣніе является цѣннымъ выраженіемъ нашей душевной жизни; матеріалъ, полученный при анализѣ, находится въ тѣснѣйшей связи съ содержаніемъ сновидѣнія, однако эта связь такого рода, что все, вновь найденное при анализѣ, никогда не могло быть выведено изъ самого содер-

жанія сновидѣнія, само по себѣ сновидѣніе было безсвязнымъ и непонятнымъ.

На основаніи большого изслѣдованнаго матеріала авторъ пришелъ къ заключенію, что сновидѣніе является слѣдствіемъ тѣхъ аффективныхъ и интеллектуальныхъ психическихъ процессовъ и переживаній, которыми наполнена наша жизнь; авторъ не знаетъ, благодаря какому процессу изъ этого матеріала возникаетъ сновидѣніе, но онъ думаетъ, что объяснять сновидѣнія изолированной дѣятельностью, отдѣльныхъ проснувшихся клѣточныхъ группъ мозговой коры неправильно. *Freud* раздѣляетъ содержаніе сновидѣнія на двѣ части: явное и скрытое; первое есть та часть сновидѣнія, которая протекаетъ какъ бы передъ глазами спящаго человѣка, ко второй относится вся та незамѣтная психическая работа, тѣ психическіе процессы, въ результатѣ которыхъ выплываетъ опредѣленное содержаніе сновидѣнія. Самые сны *Freud* раздѣляетъ на три вида: осмысленные и понятные, но чуждаго намъ содержанія, не связаннаго внѣшнимъ образомъ съ событіями нашей жизни, и безсвязные, спутанные, безсмысленные.

Обращаясь къ взглядамъ *Freud'a*, мы должны признать, что тотъ методъ, который онъ предлагаетъ для выясненія происхожденія содержанія сновидѣнія, заключающійся въ анализѣ сновидѣнія въ связи съ событіями текущей жизни, въ анализѣ возникающихъ при этомъ ассоціацій, является довольно остроумнымъ, правильнымъ и продуктивнымъ, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, кто ему послѣдуетъ. Что же касается психическаго процесса, благодаря которому изъ обширнаго матеріала, хранящагося въ скрытомъ видѣ въ нашемъ сознаніи, возникаетъ сновидѣніе, то это есть ассоціативный процессъ, свойственный и бодрствующему человѣку, только съ однимъ важнымъ различіемъ: бодрствующій человѣкъ можетъ направлять мыслительную дѣятельность къ опредѣленной цѣли, подавляя возникающія излишнія ассоціаціи: этой способности активнаго участія въ психическихъ процессахъ

лишь спящій; слѣдовательно, его вниманіе будетъ привлекаться ассоціаціями, возникающими по различнымъ законамъ и при неодинаковыхъ фізіологическихъ условіяхъ. Неучтенной, конечно, остается та внутренняя работа, благодаря которой возникаютъ у спящаго тѣ или иные представленія. Указанныя соображенія достаточно удовлетворительно объясняютъ безсвязность сновидѣній.

Кромѣ того, надо принять во вниманіе, что лишь тѣ психическіе процессы привлекаютъ вниманіе спящаго, которые протекаютъ достаточно интенсивно и вызываютъ представленія извѣстной яркости и силы: слѣдовательно, изъ того, что содержаніе сновидѣнія отличается безсвязностью и отрывочностью, еще не слѣдуетъ, что психическіе процессы, вызвавшіе его, были столь же беспорядочны во всѣхъ случаяхъ. Выше мы уже упоминали, что во снѣ иногда даже рѣшаются сложные задачи.

Мы полагаемъ также, что характеръ психическихъ процессовъ у спящаго въ существенной степени обуславливается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ періодѣ бодрствованія мы то и дѣло подавляемъ возникающія въ нашемъ сознаніи постороннія ассоціаціи; такимъ образомъ, группы клѣтокъ, вырабатывающія эти представленія, въ теченіе дня тормозятся въ проявленіи своей дѣятельности; когда наша способность подавлять эти излишнія для насъ представленія ослабѣваетъ и даже исчезаетъ, то эти центры получаютъ возможность проявить свою дѣятельность; конечно, лишь небольшое изъ этой дѣятельности достигаетъ сознанія спящаго. Очень вѣроятно, что наиболѣе подавлявшіеся двѣмъ центры энергичнѣе работаютъ во снѣ, въ этомъ періодѣ возстановленія равновѣсія нашего тѣла.

Напрасно *Freud* придаетъ мало значенія фізіологическимъ условіямъ, вліяющимъ на психическіе процессы спящаго; о нихъ мы еще будемъ говорить ниже. Пока же упомянемъ, что хотя методъ *Freud*'а приведенія въ связь частей

безсвязнаго сновидѣнія и остроумень, однако онъ можетъ быть удовлетворительнымъ лишь тогда, если мы не будемъ пытаться поставить въ связь всѣ малѣйшія детали сновидѣнія: во-первыхъ, передача его можетъ быть не вполне точной, а во-вторыхъ, необходимо еще принять во вниманіе вліяніе нѣкоторыхъ чисто физическихъ факторовъ, отражающихся на фізіологическихъ и психическихъ процессахъ; мы подразумеваемъ положеніе головы спящаго, благодаря которому кровь можетъ больше приливать къ тѣмъ или инымъ участкамъ мозга, согрѣваніе подушкой одной и охлажденіе другой части головы и обратно и нѣк. др. Эти условія, измѣняющія кровенаполненіе въ различныхъ частяхъ мозга, вмѣстѣ съ тѣмъ отражаются и на возбудимости различныхъ клѣточныхъ группъ, а слѣдовательно, могутъ отражаться и на сохраненіи сновидѣнія самымъ неожиданнымъ образомъ, вводя, напр., въ него новыя группы представленій, вступающія въ комбинацію со старыми или даже вытѣсняющія ихъ совершенно. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно иногда спящему повернуться съ одного бока на другой, какъ содержаніе сновидѣнія измѣняется или даже сновидѣніе прекращается.

Мы допустили бы грубую ошибку, если бы ограничили содержаніе сновидѣній тѣмъ матеріаломъ, который хранится въ нашей памяти, такъ сказать, въ готовомъ видѣ, и если бы предположили, что психическіе процессы спящаго оперируютъ только съ этимъ матеріаломъ.

Бодрствующій человѣкъ испытываетъ цѣлый рядъ впечатлѣній при посредствѣ своихъ органовъ чувствъ, воспринимающихъ массу раздраженій изъ внѣшняго міра; рядъ раздраженій исходитъ и со стороны нашихъ внутреннихъ органовъ, хотя у здороваго человѣка эти послѣднія ощущенія не вліяютъ особенно на психику. Всѣ только-что указанные раздражатели отражаются существеннымъ образомъ на нашей психической дѣятельности въ бодрственномъ состояніи. Способность спящаго воспринимать раздраженія при помощи

органовъ чувствъ повижена въ болѣе или менѣе значительной степени, но далеко не исключена. Въ періодѣ очень крѣпкаго сна для возбужденія органовъ чувствъ требуется очень большая сила раздраженія, напр., приходится кричать въ ухо, расталкивать спящаго, но во вторую половину ночи люди будятся очень легко, есть такіе, что просыпаются даже при слабомъ шорохѣ; между тѣмъ, вторая половина ночи самая богатая сновидѣніями, и, конечно, матеріалъ для нихъ дается и виѣшними, и внутренними раздраженіями. *Vaschide*, много занимавшійся изученіемъ сновидѣній, находитъ даже, что спящій болѣе воспримчивъ къ раздраженіямъ, исходящимъ отъ внутреннихъ органовъ, такъ какъ во снѣ вниманіе менѣе разсѣивается и отвлекается впечатлѣніями изъ виѣшняго міра. Мы всетаки полагаемъ, что для вторженія въ сознаніе спящаго требуется и со стороны внутреннихъ органовъ болѣшая сила раздраженія, нежели въ бодрственномъ состояніи. Но если раздраженіе со стороны того или другого органа чувствъ достигло сознанія спящаго, то чисто психорефлекторнымъ путемъ оно вызываетъ рядъ ассоціативныхъ процессовъ, при чемъ можетъ не только видоизмѣнить содержаніе сновидѣнія, но и послужить источникомъ новаго. Разъ во снѣ могутъ возникать новыя впечатлѣнія, являющіяся источникомъ ассоціативныхъ процессовъ, составляющихъ содержаніе сновидѣнія, то отсюда необходимо заключить, что *Freud* невольнѣ правъ, предполагая, что содержаніе сновидѣнія составляютъ пережитыя событія виѣшней и внутренней жизни и что путемъ анализа всегда можно установить источникъ сновидѣнія и возстановить связность его отдѣльныхъ частей; конечно, для многихъ случаевъ это совершенно справедливо, но нерѣдко отдѣльныя части сновидѣнія остаются невыясненными при самомъ старательномъ примѣненіи метода *Freud*'а.

Примѣненіе анализа въ разсматриваемыхъ случаяхъ представляетъ еще особыя трудности потому, что лишь рѣдко,

даже хорошо запомнивъ сновидѣніе, можно сдѣлать выводъ, что опредѣленная часть его вызвана непосредственнымъ вліяніемъ какихъ-либо раздраженій на органы чувствъ спящаго: дѣло въ томъ, что дѣятельность сознанія спящаго, а, слѣдовательно, и критическія функція понижены; поэтому спящій не въ состояніи правильно оцѣнивать качество ощущеній и возникающихъ впечатлѣній; въ результатѣ смутно работающее сознаніе и психика вообще приводитъ къ самымъ невѣроятнымъ искаженіямъ возникающихъ впечатлѣній; если даже спящій и дѣлаетъ попытки исправить явно абсурдное содержаніе сновидѣнія, то въ большинствѣ случаевъ онѣ не увѣнчиваются успѣхомъ. Напр., одинъ господинъ видитъ во снѣ, что онъ идетъ по лѣсу и встрѣчаетъ небольшую лужайку, покрытую цвѣтущими ландышами; онъ набираетъ букетъ ландышей и потомъ рассказываетъ объ этомъ товарищу; во снѣ же онъ вспоминаетъ, что ландыши не цвѣтутъ осенью, а теперь осень, и, желая объяснить это необыкновенное явленіе, онъ говоритъ, что ландыши выросли и зацвѣли, очевидно, благодаря теплой погодѣ. Во снѣ эта попытка корригировать абсурдное содержаніе сновидѣнія его вполне удовлетворяетъ. *Н. М. Поповъ* приводитъ примѣры изъ сочиненія *Maury*, который во снѣ подвергался различнымъ раздраженіямъ: когда ему щекотали лицо, онъ видѣлъ во снѣ что ему накладываютъ лицейскій пластырь; когда его ущипнули въ затылокъ, ему показалось, что ему поставили мушку. *Gregory*, заснувъ съ горячей бутылкой въ ногахъ, видѣлъ во снѣ, будто онъ стоитъ на Везувіи. Эти примѣры даютъ достаточное представленіе о томъ искаженномъ впечатлѣніи, которое возникаетъ въ сознаніи спящаго при дѣйствіи различныхъ раздраженій на его органы чувствъ. Переполненіе желудка на ночь иногда вызываетъ впечатлѣніе, что какая-то тяжесть навалилась на спящаго и вотъ-вотъ раздавить его; боль въ рукѣ вслѣдствіе недовкаго положенія во снѣ и давленія на нее вызываетъ представленіе о пыткѣ, мученіяхъ, заковываніи въ кандалы и т. д.

Въ обществѣ различныхъ странъ довольно распространена вѣра въ сны, въ пророческое значеніе сновидѣній; нашъ очеркъ не былъ бы полнымъ, если бы мы не сказали нѣсколькихъ словъ объ этихъ т. наз. „вѣщихъ снахъ“.

Одни изъ нихъ объясняются чрезвычайно просто, происхожденіе другихъ далеко не всегда бываетъ достаточно яснымъ, что и даетъ поводъ прилагать для объясненія такихъ сновидѣній теоріи о различныхъ сверхчувственныхъ вліяніяхъ.

Разберемъ нѣсколько примѣровъ такихъ сновидѣній.

Довольно распространено мнѣніе, что во снѣ люди иногда какъ бы предувѣдомляются о предстоящихъ имъ заболѣваніяхъ.

Franck рассказываетъ, что его другъ *Nizkowski*, бывший профессоромъ хирургіи въ Виленской Медицинской школѣ, въ ночь, предшествовавшую его смерти, послѣдовавшей отъ разрыва сердца, видѣлъ во снѣ, что ему пронзили сердце ножомъ.

Galien приводитъ случай, какъ одинъ человѣкъ видѣлъ во снѣ, что у него каменная нога, а затѣмъ у него развился параличъ этой ноги. Въ случаѣ *Macario* старый министръ юстиціи при *Louis-Philippe* за три дня до смерти отъ апоплексіи видѣлъ во снѣ, что его постигъ мозговой ударъ.

Всѣ эти случаи и имъ подобные объясняются тѣмъ, что уже до явнаго обнаруженія заболѣванія больной органъ вызываетъ во снѣ тяжелыя ощущенія, доходящія до сознанія и вызывающія соотвѣтствующее содержаніе сновидѣнія; это ощущеніе въ однихъ случаяхъ можетъ вызвать извращенныя представленія, какъ это часто бываетъ во снѣ и было въ первыхъ двухъ случаяхъ, а въ другихъ, какъ въ третьемъ случаѣ, можетъ вызвать и правильное представленіе, особенно, если и на яву направленіе мыслей принимало иногда соотвѣтствующую окраску; вѣдь весьма вѣроятно, что старый министръ

подумываль о смерти отъ удара, а профессоръ хирургіи зналъ о своемъ больномъ сердцѣ.

Возьмемъ еще нѣсколько случаевъ изъ серіи, приводимой *Voschide et Pieron*, изъ ихъ собственныхъ наблюденій. Трехлѣтняя дѣвочка видѣла во снѣ, что ей сильно сжимають голову, вскорѣ послѣ чего она заболѣла менингитомъ. Восемилѣтняя дѣвочка, видѣвшая во снѣ, что ее положили на телѣгу, а на горло ей поставили ящикъ, будто бы затѣмъ, чтобы она не упала, черезъ нѣсколько часовъ заболѣла ангиной.

Дѣвочка тринадцати съ половиной лѣтъ видѣла сонъ, что одинъ молодой человѣкъ, котораго она терпѣть не можетъ, сдѣлалъ ей предложеніе; конечно, она отказала; тогда онъ, чтобы принудить ее принять предложеніе, опрокидываетъ ее на землю и, придавивъ ей колѣномъ горло, набиваетъ ей ротъ грязью, чтобы она не кричала. Черезъ четыре дня у нея обнаружилась тяжелая форма гангренозной ангины.

Мы могли бы сообщить очень много аналогичныхъ примѣровъ, но ограничимся этими, такъ какъ изъ нихъ достаточно ясно слѣдуетъ, что болѣзненные ощущенія со стороны нашихъ внутреннихъ органовъ еще до явнаго обнаруженія болѣзни иногда вызываютъ сновидѣнія, въ которыхъ фигурируетъ органъ, заболѣваніе котораго скоро обнаруживается. Ничего необъяснимаго въ этихъ снахъ нѣтъ, имъ можно даже, хотя и съ осторожностью, придавать нѣкоторое діагностическое значеніе.

Но бываютъ сновидѣнія, происхожденіе которыхъ объяснить не легко.

Carpenter приводитъ случай слѣдующаго рода: когда Слимъ умиралъ возстаніе въ Индіи, однажды его жена, принимавшая участіе въ походѣ, просила его перенести ея палатку на другое мѣсто, заявивъ, что она провела ужасную ночь, такъ какъ ей все время снились мертвецы. Палатку перенесли; между тѣмъ, Слимъ получилъ извѣщеніе, что въ мѣстѣ прежняго

расположенія палатки были зарыты трупы; разрыли землю и дѣйствительно нашли тамъ много труповъ.—Сонъ, можно сказать, исключительный, но, конечно, содержаніе его такъ бы и осталось невыясненнымъ, если бы случайно не были получены извѣстія, заставившія разрыть землю на мѣстѣ расположенія палатки. Происхожденіе этого пророческаго сновидѣнія объяснилось въ его исполненіи: очевидно, трупный запахъ достигъ обонянія спящей и вызвалъ въ ея сознаніи соотвѣтствующія ассоціаціи, которыя и составили содержаніе сновидѣнія.

Воспользуемся еще примѣромъ, рассказаннымъ проф. *Н. М. Поповымъ*. Г-жа К., страстная любительница коровъ, очень желала имѣть теленка отъ породистой коровы, принадлежавшей ея пріятельницѣ, и просила ее продать ей теленка; но послѣдняя забыла ея просьбу и продала корову съ теленкомъ г. П., тоже знакомому г-жи К. Г-жа К. была сильно огорчена, хотя ее и *старались утѣшить*, что *можетъ быть* новый владѣлецъ *не откажется ей* въ ея просьбѣ. Вскорѣ г-жа К. увидѣла сонъ, что она встрѣтилась въ магазинѣ съ г. П., который на ея просьбу продать теленка отвѣтилъ ей, что за будущее не ручается, но что въ настоящее время теленокъ нуженъ ему самому. Въ тотъ же день г-жа К. дѣйствительно встрѣтила въ одномъ изъ магазиновъ П., обратилась къ нему съ просьбой продать теленка, и онъ ей отказалъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, что и во снѣ. Авторъ объясняетъ сновидѣніе г-жи К. тѣмъ, что она не разъ думала о возможности купить теленка у П., но зная его недостаточно, не могла рѣшить вопросъ, исполнить онъ или нѣтъ ея просьбу. Подъ впечатлѣніемъ такихъ мыслей она заснула, а психическая работа во снѣ продолжалась и привела къ правильному представленію о характерѣ П., изъ котораго вытекалъ отказъ, подтвердившійся на дѣлѣ.

Надо принять еще во вниманіе, что во снѣ нерѣдко мы имѣемъ дѣло съ такимъ матеріаломъ, который считаемъ но-

вымъ, потому что хотя онъ и былъ воспринятъ нами когда-то, но безъ участія яснаго сознанія; между тѣмъ, этотъ матеріалъ хранится въ глубинѣ нашей памяти и можетъ входить въ составъ сновидѣнія.

Каждый знаетъ, что на яву мы часто судимъ въ различныхъ направленіяхъ о различныхъ грядущихъ событіяхъ, пользуясь имѣющимися у насъ свѣдѣніями и опытомъ; иногда наши умозаключенія оправдываются. Бываетъ и такъ, что психическая дѣятельность, продолжающаяся во снѣ, приводитъ насъ къ правильному предсказанію будущаго, но чаще въ нашемъ сознаніи получается готовый результатъ сложной психической работы, проведенной въ нашей подсознательной сферѣ, вслѣдствіе чего мы не сознаемъ самаго хода этой работы; поэтому результатъ, полученный во снѣ, не имѣетъ признаковъ *умозаключенія*, а скорѣе напоминаетъ пророчество, не будучи таковымъ.

Нельзя отрицать и того, что сновидѣнія могутъ имѣть и внушающее вліяніе на спящаго; такимъ образомъ, путемъ самовнушенія можетъ осуществляться исполненіе различныхъ поступковъ въ жизни спящаго и различныхъ событій, обусловленныхъ его поведеніемъ. Даже предсказанія о смерти могутъ иногда осуществляться въ связи съ самовнушеніемъ.

Наконецъ, нельзя забывать и случайныхъ совпаденій, играющихъ роль, въ осуществленіи сновидѣній, какъ напр., встрѣча въ магазинѣ съ г. П.

Принимая во вниманіе все изложенное, необходимо притти къ выводу, что содержаніе сновидѣній черпается изъ событій окружающей насъ жизни и изъ лично переживаемыхъ нами и оставляющихъ впечатлѣніе въ нашемъ сознаніи, при чемъ эти впечатлѣнія иногда остаются въ предѣлахъ нашей подсознательной сферы и не сознаются нами, не попадая въ поле яснаго сознанія; изъ всего психического запаса, хранящагося въ нашей памяти, можетъ возникнуть содержаніе сновидѣнія; не менѣе существенный матеріалъ для сновидѣній получается

изъ тѣхъ ощущеній и представленій, которыя возникаютъ у спящаго при дѣйствіи на его органы чувствъ раздражителей изъ вѣшняго міра и со стороны внутреннихъ органовъ. Для выясненія происхожденія сновидѣнія много можетъ дать методъ, предлагаемый *Freud*омъ, но необходимо принять во вниманіе и рядъ другихъ условій, какъ напр., условія, въ которыхъ спалъ видѣвшій сонъ, о чемъ онъ думалъ и говорилъ въ послѣднее время, не было ли въ его жизни событій, имѣющихъ связь съ сновидѣніемъ, условія его здоровья и нѣк. др.

Мы полагаемъ, что если бы можно было подвергнуть подробному научному изученію въ указанныхъ направленіяхъ интересующія многихъ сновидѣнія, которымъ придается пророческое значеніе или значеніе которыхъ неясно и происхожденіе непонятно, громадное большинство ихъ получило бы совершенно новое, вполне естественное освѣщеніе.
